

Русская кампания 1812 года в бюллетенях Наполеона

Фактически с самого начала ведения боевых действий полководцы вели дневники, выпускали бюллетени и прокламации, а также писали мемуары о своих военных походах. Юлий Цезарь, например, писал свои «Записки о галльской войне» во время ведения войны в Испании и Галлии, Положительные и оптимистичные описания военных действий предполагались для общественного употребления, были размножены и отправлены в Рим почтой. «Записки» были составлены так, чтобы не только дать римлянам представление о том, что происходило во время похода, но и каким великим человеком был Цезарь. Они явились первым выдающимся примером использования военных бюллетеней в целях пропаганды, способом держать мир в страхе. С тех пор их изучали многие великие полководцы. Наполеон возил «Записки» Цезаря с собой во время военных кампаний.

Цезарь был великим полководцем, стремившимся к политическому лидерству; его «Записки» были направлены на достижение этой цели. Наполеон был к 1812 г. уже преуспевающим и могущественным политическим лидером; военные кампании и бюллетени о них предназначались для упрочения его положения.

В 1812 г. Наполеон был императором Франции и полностью контролировал правительственную информацию и аппарат пропаганды¹. Бюллетени были очень актуальны и то время. Пусть они не обладали литературным величием «Записок» Цезаря, но являлись отражением чарующего ума Наполеона, отражением действий на поле битвы, политических взглядов, общественного настроения и позиции солдат и офицеров Великой армии. Хотя, конечно, Наполеона можно обвинять в том, что он иногда «подгонял» сообщения бюллетеней, в целом они являются вполне точными.

Бюллетени 1812 г. из России — завораживающее окно в Русскую кампанию Наполеона. На первый взгляд их сообщения прямые и оптимистичны. В действительности же, при взгляде в прошлое возникает чувство горькой иронии, когда 23-й бюллетень (9 октября) сообщает: «В течение последних восьми дней солнце было жарче, чем бывает в Париже в это время года. Мы не чувствуем, что находимся на севере»².

Важно помнить что бюллетени, появившиеся в качестве военных изданий, на самом деле предназначались для всего общества. Они представляли собой основную возможность для Наполеона вести пропаганду в то время, когда сам он находился в походе, и он максимально использовал эту возможность. Бюллетени предназначались и для Великой армии. Наполеон понимал, что его солдаты будут читать эти бюллетени, поэтому было важно, что при этом они будут читать о том, что будет возвеличивать в них их собственный образ.

Бюллетени и различные сообщения, также широко издаваемые, старательно изображали доблесть и храбрость солдат, даже в случае проигрыша. Отдельные части и офицеры были выделены как заслужившие похвалу, о них говорилось: «покрыл себя славой», действовал с «необычайной отвагой» или атаковал с «неустранимостью». Наполеон хотел укрепить чувство гордости солдат, и выразить им свое доверие на будущее. Часто бюллетени похожи на бесконечные списки солдат и воинских частей, достойны* похвалы. Не случайно, что именно эти бюллетени пользовались наибольшим успехом.

Не так легко, как может показаться, найти полное собрание бюллетеней Наполеона. Они включены в 32-томное издание «Correspondance de Napoléon I» не полностью, а другие французские источники являются довольно редкими. Нет пока ни одного полного английского перевода бюллетеней³.

В данной статье кратко рассматриваются бюллетени Наполеона, содержание которых касается Бородинского сражения, пожара Москвы и влияния погодных условий во время отступления из России. Автор делает попытку показать, что бюллетени дают возможность неординарного понимания действий Наполеона и содержат предвестие трудностей, с которыми в конечном счете столкнулась его армия. Так, в 5-м бюллетене Наполеона (6 июля), описывающем неудачные военные действия русских, уже появляется слабое предчувствие будущего, когда речь идет о погоде:

«Дождь лил бесперывно в течение тридцати шести часов.

Крайняя жара внезапно сменилась сильным похолоданием. Несколько тысяч лошадей погибло в результате такой неожиданной перемены погоды. Артиллерийские обозы вязнут в грязи.

Эта ужасная буря, утомившая людей и лошадей неизбежно замедлила наше продвижение, и корпус Дохтурова, который последовательно сталкивался с движущимися в колоннах войсками генералов Борд-Сильда, Пажоля и Нансути, едва избежал уничтожения»⁴.

Действительно, один из фактов кампании 1812 года, на который часто не обращают внимания, тот, что погода оказывала одинаково разрушительное действие на французскую армию как при движении вглубь России, так и из нее. И крайняя жара, и сильный холод наносили ужасный урон Великой армии. В бюллетене говорится о невосполнимых потерях лошадей из-за погоды. Было только начало июля, а тысячи лошадей уже погибли. Вряд ли документ пропагандистского характера станет упоминать о подобном.

Наполеон долго добивался генерального сражения с русскими, но Бородинское сражение, произошедшее 7 сентября 1812 г., оказалось далеким от того идеала, который он себе представлял. Русские выбрали подходящую позицию и имели достаточно времени, что бы укрепить ее. Кутузов имел 120 тыс. человек и 600 орудий. Наполеон привел против них не те полмиллиона, с которыми он начал поход, а только 133 тыс. человек и около 600 орудий. Он проделал длинный путь и оставил большое число войск в гарнизонах, для защиты коммуникационных линий, связывающих его с Парижем, Остальное составили дезертиры и убитые в перестрелках.

Наполеон узнал, что русские готовились к сражению за несколько дней до его начала. В 17-м бюллетене (3 сентября 1812г.) он объявляет:

«Точно подтверждено, что неприятель занят строительством укрепленного лагеря перед Можайском и развертывают войска на рубежах Москвы»⁵.

Двумя днями позже, 5 сентября французы заняли Шевардинский редут, находившийся в нескольких милях впереди основной русской позиции. В 18-м бюллетене (10 сентября)⁶ по поводу этого говорится:

«5-го в шесть часов утра армия выступила в поход. В два часа пополудни мы обнаружили русских, расположившихся правым флангом на Москве-реке, левым — на высотах левого берега реки Колочь. В 1200 туазах⁷ впереди левого фланга неприятель начал укреплять прекрасную высоту между двумя лесами, где разместилось 9 или 10 тыс. человек. Император разведав это, решил, не теряя времени, взять эту позицию. Были отданы приказы Неаполитанскому королю переправиться через р. Колоть вместе с дивизией Компана и кавалерией. Принц Понятовский, шедший справа, мог обойти позицию. В четыре часа началась атака. Через час редут противника был захвачен вместе с пушками; корпус противника, вытеснен из леса и обращен в бегство, оставил треть го состава на поле боя. В семь вечера огонь прекратился».

Далее в 18-м бюллетене обсуждается ситуация перед сражением. В нем нет ни одного лестного слова относительно русской позиции и русских войск:

«Позиция неприятеля была очень ограниченной. Его левый фланг был ослаблен потерей позиции накануне: прикрытая лесом с тыла, поддерживаемая прекрасной высотой, заканчивающаяся редутом, с установленными на нем двадцатью пятью орудиями. Две других возвышенности, с возведенными на них редутами, находившиеся друг от друга в сотне шагов, защищали его ряды вплоть до большой деревни, которую неприятель разрушил для того, чтобы прикрыть ее гребень с расположенными на нем артиллерией и пехотой и укрепить центр. Правый фланг позиции простирался позади Колочи за селом Бородино; его поддерживали две прекрасных высоты с построенными на них редутами и укрепленные батареями. Эта позиция казалась сильной и благоприятной. Она позволяла легко маневрировать и вынудить приятеля отойти с нее; но это было бы отказом от нашей цели, а позиция не считалась настолько сильной, чтобы представлять необходимость избежать сражения. Легко было различить что редуты наскоро сооружены, с неглубокими рвами и без палисадов или заостренных кольев. Мы оценили силу врага в приблизительно сто двадцать или сто тридцать тысяч человек. Наши сипы были равны, но превосходство наших войск было несомненными

Здесь присутствует важный признак изменения тактического подхода Наполеона к сражению. Он предпочитает маневру, вынуждающему русских отступить, фронтальную атаку, полагаясь на слабые стороны русской позиции и предполагаемое превосходство французской

армии. Был ли разумным такой подход или нет, но Наполеон прежних времен предпочел бы тактику маневра той, которую он выбрал в Бородине.

Утром в день сражения Наполеон и его солдаты были, согласно 18-му бюллетеню, полны оптимизма и жаждали быстро разбить русских:

«7-го в два часа утра император в окружении маршалов находился на позиции, взятой накануне. В половине шестого взошло солнце в безоблачном небе; накануне вечером шел дождь. «Это солнце Аустерлица», — сказал император. Весь сентябрь месяц было холодно, как в декабре в Моравии. Армия восприняла это как предзнаменование. При бое барабанов был зачитан следующий приказ по армии:

«Солдаты, вот битва, которую вы так желали! Отныне победа зависит от вас: она нам необходима, она нам даст избыток, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину! Действуйте, как под Аустерлицем, под Фридландом, под Витебском, под Смоленском, и пусть самое отдаленное потомство говорит гордостью о вашем подвиге в этот день, пусть о вас скажут: он был в великой битве под стенами Москвы!»

Бородинское сражение своей ожесточенностью походило кровавую баню. Французы вышли из нее победителями, оставив в конечном счете за собой поле битвы, но потери с обеих сторон были велики. 18-й бюллетень подтверждает это в самом начале, отмечая: «Тысяча орудий сеяли смерть со всех сторон».

18-й бюллетень часто дает очень реалистичную картину боевых действий. Нетрудно представить насколько кровопролитным было сражение из следующего отрывка:

В восемь часов позиции врага были захвачены, редуты взяты и наша артиллерия расположилась на высотах. Преимущества позиции, которым обладали батареи неприятеля в течение двух часов, теперь принадлежали нам. Брустверы, работавшие против нас во время атаки, теперь служили на пользу нам. Неприятель видел, что сражение, которое, как он думал, только началось, проиграно. Часть его артиллерии взята, остальные орудия отведены на линию тыла. В таком отчаянном положении он пытался возобновить сражение и атаковать всей своей массой те сильные позиции, которые не смог удержать. Триста французских орудий установленные на этих высотах обрушили огонь на массы противника, и его солдаты гибли у подножия тех брустверов, которые они с таким трудом возводили для своей защиты».

Итог сражения подводится и бюллетене следующим образом:

«У неприятеля все еще оставались редуты на правом фланге. Генерал герцог Моран двинулся на них и взял их; но в девять утра, атакованный со всех сторон, он не смог удержать позиции. Неприятель, ободренный этим успехом, повел вперед свои последние резервы, чтобы еще раз испытать судьбу. Часть их состава [Русская] императорская гвардия. Она атаковала наш центр, на который опирался наш правый фланг. Какое-то мгновение опасались, что неприятель может занять сожженную деревню; дивизии Фриана направилась туда: 80 французских орудий незамедлительно остановили, а затем уничтожили неприятельские колонны, стоявшие в течение двух часов сомкнутым порядком под непрерывным огнем, не решающиеся идти в атаку, не желающие отступать, отказавшиеся от надежды на победу. Неаполитанский король положил конец их нерешительности. Он приказал 4-му кавалерийскому корпусу атаковать, который, проникнув сквозь бреши появившиеся в результате действия наших орудий в сомкнутых рядах русских и эскадронах кирасир, рассеял их по сторонам. Дивизионный генерал граф Коленкур, начальник пажей императора, пошел в атаку во главе кирасирского полка, свергая все на своем пути, ворвался в редут через левую горжу. С этого момента неуверенности больше не было. Сражение было выиграно. Он направил на неприятеля двадцать одно орудие, находившееся в редуте. Судьба графа Коленкура, отличившегося в этой прекрасной атаке, завершилась. Он упал сраженный пулей; славная смерть, достой зависти.

Было два часа дня: неприятель потерял всякую надежду; сражение было закончено; канонада все еще длилась; неприятель боролся за отвод войск и безопасность, но это только усиливало победу»

Завершается 18-й бюллетень комментарием о сражении:

«Таков в нескольких словах беглый очерк Битвы при Москве реке, происходившей в двух лье от Можайска и двадцати пяти лье от Москвы, около небольшой речки Москвы. Мы произвели 60000 орудийных выстрелов, которые уже восполнены с прибытием 800 артиллерийских повозок, которые вышли из Смоленска до сражения. Все леса и деревни от

поля боя до этого места покрыты убитыми и ранеными. Мы обнаружили 2000 убитых или лишенных конечностей русских. В плен взято множество генералов и полковников.

Император ни разу не подвергался опасности; императорская гвардия, ни пешая, ни конная, не была занята и не потеряла ни единого человека. Победа не была сомнительной. Если бы противник, вытесненный с укреплений, не пытался их вернуть, наши потери были бы гораздо больше, чем у него; но он подверг свою армию разрушению, держа ее с восьми утра до двух часов дня под огнем наших батарей и упорно пытаясь вернуть то, что потерял. Это было причиной его огромных потерь.

Отличились все. Особенно заметны были Неаполитанский король и герцог Энгийский.

Артиллерия, особенно гвардейская, превзошла себя. Действия, прославившие этот день, станут известны из подробных отчетов».

Замечание о гвардии, не занятой в сражении, затрагивает один из наиболее спорных вопросов сражения. Наполеона несколько раз убеждали пустить в бой гвардию, чтобы победа могла стать решающей. Сейчас кажется, что именно так и было бы, но он принял решение не делать этого, так как считал рискованным использовать последние резервы, находясь так далеко от дома. Командующий гвардией маршал Бессьер его поддержал. В любом случае, несмотря на утверждение бюллетеня о победе, результат ее оказался на самом деле весьма сомнительным.

После Бородина, дорога к Москве была открыта, и Наполеон вошел в город 15 сентября 1812 г. Он занял Кремль, но в ту же ночь начался всем известный пожар Москвы, который долго был предметом споров, а некоторые обвиняли в нем Наполеона. В этом пожаре для него не было никакого смысла, и не вызывает сомнения то, что его устроили русские. Сообщение о пожаре содержится в нескольких бюллетенях. Интересно будет увидеть случившееся глазами Наполеона. Начнем с 19-го бюллетеня (16 сентября) который приводит впечатления французов о великом городе:

«Москва такой же большой город как Париж; это чрезвычайно богатый город, полный дворцов всех знатных вельмож империи. Русский губернатор [граф Федор] Ростопчин пожелал разрушить этот прекрасный город, когда увидел, что русская армия его покинула...

....В городе царила полная анархия; какие-то пьяные безумцы бегали по разным кварталам и всюду поджигали их. Губернатор Ростопчин заставил вывезти всех купцов и владельцев магазинов, чьим содействием порядок мог бы быть восстановлен. Более 400 французов и немцев были арестованы по его приказу; наконец он принял меры предосторожности, эвакуировав всех пожарных вместе с насосами, дабы полная анархия опустошила этот большой и прекрасный город, а огонь пожрал его. В нем мы нашли разного рода значительные запасы.

Император расквартирован в Кремле, который находится в центре города и является своего рода крепостью, окруженной высокими стенами. Тридцать тысяч раненых и больных русских оставлены в больницах, без оказания помощи и ухода»⁸.

20-й бюллетень продолжает:

«Москва, один из самых прекрасных и самых богатых городов мира больше не существует.

14-го русские подожгли биржу, базар и госпиталь. 16-го начал дуть сильный ветер; 300 или 400 бандитов подожгли город сразу в 500 местах по приказу губернатора Ростопчина. Большинство домов были деревянные; огонь распространялся с невероятной скоростью, это был океан огня. Церкви, которых было 1600, более 1000 дворцов, огромные склады; почти все было уничтожено. Кремль уцелел.

Эти потери для России одинаково неисчислимы, как для купечества, так и для дворянства, которые все там оставили. Они без преувеличения составили несколько миллиардов.

Около 100 поджигателей были пойманы и расстреляны; все они заявили, что действовали согласно приказам Ростопчина и начальника полиции. Тридцать тысяч больных и раненых русских сгорели. Самые богатые торговые дома превращены в руины. Это должно стать большим ударом. Одежда, магазины и снаряжение уничтожены. Таким образом они потеряли все: они не вывезли ничего, потому что всегда полагали невозможным для нас приход в Москву, потому что хотели обмануть народ. Когда они увидели все это в руках Французов, то придумали ужасный план уничтожения первопрестольной столицы, этого снятого города, центра империи, в огне пожара, и обрекли на нищету 200000 зажиточных горожан. Это —

преступление Ростопчина, совершенное злодеями, выпущенными из тюрем на свободу.

Как следствие всего этого, запасы, найденные армией, сильно уменьшились: однако мы собрали и собираем много необходимого. Все погреба нетронуты огнем, и жители в течение последних двадцати четырех часов спасли много пешей. Они пытались остановить распространение огня, но губернатор предпринял ужасную предосторожность — вывез или уничтожил все насосы»⁹.

Это описание явно могло быть составлено с той политической целью, что когда его будут читать и французы и русские, то как тем, так и другим будет казаться, что это точное отражение того что происходило на самом деле.

Большинство из оставленных русскими складов, которые французы предполагали использовать, были уничтожены огнем. Много, включая арсенал в Кремле, было сохранено. Возможно, что важнее всего из уцелевшего, по крайней мере для солдат, было упомянутое в 21-м бюллетене от 20 сентября: «Каждый день мы находим подвалы, полные вина и коньяка»¹⁰.

В завершение обратимся к бюллетеням, отражающим отступление из России, которое началась 19 октября. Погода играла в нем первостепенную роль, а бюллетени не выпускают из внимания этот фактор на протяжении всей кампании. Московские бюллетени отмечают, что временами идет дождь, а 22-й бюллетень (27 сентября) делает первое серьезное и в то же время не лишнее иронии с точки зрения ее возможного воздействия на последующие события описание погоды: «Погода почти такая же, как в конце октября в Париже. Идет небольшой дождь, и уже были заморозки. Мы уверены, что Москва и другие реки этой страны не замерзают до середины ноября»¹¹.

К середине октября погода становится более важным фактором, но пока не решающим. Наполеон колеблется в выборе между пребыванием в Москве, отступлением армии к Смоленску и полным отступлением из России, взвешивая все за и против. Но, как нам кажется, в 24-м бюллетене (14 октября) присутствует намек на то, что он понимает неизбежные проблемы, которые возникнут при дальнейшей задержке в том случае, если армии придется сменить место пребывания: «Погода очень хорошая. Первый снег выпал вчера. Через двадцать дней необходимо быть на зимних квартирах»¹².

Эта обеспокоенность повторяется в 25-м бюллетене (20 сентября):

«Погода прекрасная, подобно той, что бывает во Франции в октябре, возможно чуть более теплая: но в первые дни ноября можно ожидать холод.

Все укалывает на то, что мы должны подумать о зимних квартирах. Особенно они необходимы для кавалерии. Пехота отдохнула в Москве и выглядит хорошо»¹³.

26-й Бюллетень (23 октября) продолжает с оптимизмом: «Жители России не припомнят такой погоды, какая была у нас в течении последних двадцати дней». Как в прекрасные солнечные дни путешествия из Фонтенбло. Армия находится в чрезвычайно богатой стране; она может быть сравнима с лучшими областями или Франции или Германии»¹⁴.

Наполеон намеревался отступить по южной дороге, где было гораздо теплее, но в конечном счете возвратился на ту же самую дорогу, по которой пришел, на которой нельзя было обнаружить никаких средств пропитания, а только казаков. Однако армия все еще имела приемлемый вид, а погода в достаточной мере этому способствовала. Оптимизм, который присутствует в бюллетенях до сих пор, не является полностью необоснованным.

Затем наступил холод, погода изменилась, а вместе с ней изменились бюллетени. Невозможно читать без сострадания о том, через что пришлось пройти войскам. В 28-м бюллетене (Смоленск, 11 ноября) начинает появляться привкус проблем, с которыми столкнутся солдаты Наполеона:

«Императорский штаб был 1-го ноября в Вязьме, а 9-го в Смоленске. Погода была прекрасная до 6-го, а 7-го началась зима; земля покрыта снегом. Дороги стали очень скользкими и трудными для конных повозок. Мы потеряли много людей из-за холода и усталости; ночи на биваках очень вредны для них. Начиная со сражения при Малоярославце авангард не видел никакого другого противника кроме казаков, которою как аравитяне кружат вдоль флангов и беспокоят постоянными налетами... С наступлением 6-го плохой погоды мы потеряли более 3 000 лошадей и около 100 наших зарядных ящиков.

29 бюллетень от 3 декабря¹⁵ как раз служит подтверждением тому, насколько правдивы были бюллетени, сообщавшие миру об ужасе отступления.

«До 6-го ноября погода была прекрасная, и движение армии с наибольшим успехом. Холодная погода началась 7-го; с того момента, каждую ночь мы теряли лошадей, которые

умирали на биваках. К моменту прибытия в Смоленск мы потеряли уже много кавалерийских и артиллерийских лошадей.

Русская армия, находящаяся в Волыни была расположена напротив нас справа: наше правое крыло оставило Минскую линию наступления и выбрало центром своих наступательных действий Варшавскую линию. 9-го в Смоленске императору было сообщено об этом изменении на линии наступления и о предположительных действиях противника. Несмотря на то, что ему казалось что тяжело начинать движение во время столь сурового времени года, этого требовало нынешнее состояние дел. Он ожидал что прибудет в Минск, или по крайней мере на Березину раньше неприятеля; 13-го он оставил Смоленск; 16-го он ночевал в Красном. Мороз, который начался 7-го, внезапно усилился, и 14-го, 15-го и 16-го на термометре было шестнадцать и восемнадцать градусов ниже нуля. Дороги были покрыты льдом; конница, артиллерия и обозные лошади погибали каждую ночь, уже не сотнями, а тысячами, особенно немецкие и французские. За считанные дни погибло более 30 000 лошадей. Наша кавалерия осталась без лошадей, а артиллерия и багаж без средств перевозки. Мы были вынуждены оставить и уничтожить большую часть наших орудий, боеприпасов и продовольствия.

Армия, которая была в порядке еще 6-го [ноября], 14-го выглядела уже совсем иначе; она почти полностью лишилась кавалерии, артиллерии и транспортных средств. Без кавалерии мы не могли осуществлять разведку на расстоянии даже четверти лье; без артиллерии — рискнуть вступить в сражение и действовать уверенно: необходимо было продолжать движение, чтобы не быть вынужденными вступить в сражение, от которого нас удерживало отсутствие боеприпасов. Требовалось занять надежную позицию, чтобы не оказаться окруженными с флангов, а также без кавалерии, которая могла вести и соединить колонны. Все это наряду с внезапно наступившими морозами, усугубляло ситуацию. Те солдаты, которых природа не наделила в достаточной степени мужеством преодолевать все удары судьбы, выглядели потрясенными, утратившими веселость и хорошее настроение, они не могли думать ни о чем кроме несчастий и гибели. Те же, кого она создала способными быть выше всего этого, сохранили веселость, обычные манеры и вплели в различных трудностях, которые необходимо было преодолевать путь к новой славе.

Противник, видевший на дорогах следы ужасного бедствия, которое настигло французскую армию, пытался воспользоваться этим преимуществом. Он окружал все колонны казаками, которые захватывали подобно аравитянам в пустыне, отставшие обозы и повозки. Эта презренная конница, которая только создает шум и не способная опрокинуть роту вольтижеров, благодаря обстоятельствам становилась устрашающей. Однако противнику пришлось пожалеть о всех серьезных попытках, которые он желал предпринять: они были предотвращены вице королем, на войска которого они натолкнулись и потеряли людей...

Надо сказать, что армии необходимо восстановить дисциплину, отдохнуть, посадить кавалерию на лошадей, пополнить артиллерию и ее материальную часть. Таков результат только что произведенного осмотра. Отдых необходим ей в первую очередь»¹⁶

Французы хотя и имели некоторые успехи в кампании 1812 года, но в конечном счете она обернулась для них катастрофой. Иногда бюллетени 1812 года подвергаются критике как обычные пропагандистские документы, но они часто дают точное, а порой очень острое отражение самой кампании и тяжелых испытаний, перенесенных ее участниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Лучшей из работ по данной теме является книга Роберта Холтмана «Наполеоновская пропаганда». См.: Holtman R. Napoleonic Propagande L.: Greenwood Press, 1969. Первое издание было выпущено в 1950 г. издательством Университета штата Луизиана.

² Bulletins Officielles de la Grande Armée, dictés par L'Empereur Napoléon; et Recueillis par Alexandre Goujon, Ancien Officier D'Artillerie Légère, Membre de la Légion d'Honneur. 2 vol. P., 1822. Vol. 2. P. 89-90. Далее – Bulletins Officielles

³ Автор данной статьи исправил это положение, выпустив в феврале 2003 г. полное собрание бюллетеней, переведенных на английский язык. См.: Markham D. Imperial Glory: Napoleon's Army Bulletins, 1805 – 1814. L.: Greenhill, 2003.

⁴ Bulletins Officielles. P. 14–18

⁵ Ibid. P. 75–76.

⁶ Ibid. P. 80–84.

⁷ Туаза – старинная французская мера длины, равная 1,949 м.

⁸ Bulletins Officielles. P. 85–86.

⁹ Ibid. P. 86–87.

¹⁰ Ibid. P. 87–88.

¹¹ Ibid. P. 88.

¹² Ibid. P. 93–94.

¹³ Ibid. P. 110–111.

¹⁴ Ibid. P. 112–115.

¹⁵ Ibid. P. 124–128.

¹⁶ Ibid. P. 117–118.